

Верховный суд Японии как орган конституционного контроля. Общий обзор и анализ отдельных постановлений (Часть II)*

Антонов Алексей Владиславович,
советник управления

Конституционного Суда Российской Федерации
Aleksey.Antonov@ksrf.ru

Гриценко Анна Сергеевна,

доцент кафедры конституционного права
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
кандидат юридических наук
irman2000@yandex.ru

В статье дано описание Верховного суда Японии. Примечательной чертой данного органа является наличие у него компетенции органа конституционного контроля. Авторы исследуют правовые основы его деятельности, организацию и порядок судопроизводства, а также причины, обуславливающие особенности проведения конституционного нормоконтроля. Также в статье дан анализ отдельных постановлений Верховного суда Японии, вынесенных за весь период его деятельности.

Ключевые слова: Верховный суд Японии, конституционный контроль в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

3.4. Концепция ограниченной судебной власти и «политический вопрос» в конституционном судопроизводстве

Как уже было сказано ранее, ст. 81 Конституции Японии наделяет Верховный суд и нижестоящие суды полномочиями для проверки конституционности закона. Данная концепция была абсолютно чуждой традиционному, довоенному, пониманию судов, согласно которому они необходимы только для разрешения правовых споров между гражданами, а также для рассмотрения уголовных дел. Даже административный процесс, связанный с обжалованием нормативных актов публичной власти, требует известной доли осторожности при вторжении в дискреционные полномочия публичной администрации.

Еще в начале 50-х годов прошлого века среди японских исследователей в области публичного права высказывались идеи о существенном ограничении на судебное вмешательство в сферу административного права¹. Подчеркивалась особая

важность уважительного отношения к дискреционным полномочиям административных органов, вплоть до того, что судебные решения и предписания в принципе недопустимы в этой сфере². Юрисдикция судебной власти должна распространяться только на гражданский и уголовный процессы. Следовательно, споры, касающиеся административного права, выходят за пределы полномочий Суда.

На фоне положений ст. 81 Конституции вполне естественным было бы предположить, что разработчики Конституции 1947 г. создавали принципиально новую концепцию судебной власти, однако старая концепция была настолько популярна и привычна, что кажется, будто ее элементы до сих пор контролируют образ мышления и действий японских судей. Такое вполне вероятно, учитывая, что средний возраст судей Верховного суда составляет примерно 63 года³, их учеба на юридических факультетах и начало карьеры пришлись как раз на момент наибольшей популярности данных идей.

¹ Так, например, в 1953 г. Японская ассоциация публичного права опубликовала ряд научных статей о взаимоотношениях между административной и судебной властями. Одна из статей называлась «Прерогативы административных властей в отношении судебного надзора», в которой встречались такие термины, как «независимость административных властей от судебной власти» и «верховенство админи-

стративной власти». Отмечается, что эти публикации были не уникальными в своем роде, а отражали преобладающую тогда точку зрения. См.: Okudaira Y. Op. cit. P. 34–35.

² Ibid. P. 34–35.

³ Сведения взяты с официального сайта Верховного суда Японии в сети Интернет. URL: <https://www.courts.go.jp/english/about/justice/index.html> (дата обращения: 23.03.2021).

* Часть I опубликована в № 3. С. 26–32.

В последующем идеи об ограниченности судебной власти переросли в концепцию «политического вопроса» (или концепцию «государственных дел»), согласно которой суды соглашаются с решениями политических ветвей власти и не пересматривают их на предмет конституционности. Обоснованием этому служит то, что сама Конституция ставит некоторые вопросы исключительно в компетенцию политических ветвей власти⁴. Верховный суд Японии использовал концепцию политического вопроса, частично основанную на американском и европейском опыте, обычно отказываясь рассматривать такого рода дела, даже если они были напрямую связаны с нарушением конституционных прав. Например, первое такое дело слушалось в Верховном суде в связи с так называемым инцидентом *Сунакавы*, который произошел в июле 1957 г. на авиабазе Татикава недалеко от Токио⁵. Согласно Соглашению между Соединенными Штатами и Японией, принятому во исполнение Договора о безопасности между США и Японией от 8 сентября 1951 г.⁶, японское правительство должно было расширить взлетно-посадочную полосу на американской авиабазе. Такое расширение происходило за счет сельских угодий местных жителей, среди которых вспыхнул бунт и поднялось восстание.

В результате несколько протестующих вторглись на территорию американской базы, семеро из которых были арестованы и обвинены в совершении тяжкого преступления в соответствии со специальными нормами, принятыми во исполнение Договора о безопасности, в то время как действующее законодательство Японии квалифицировало аналогичный состав как мелкое правонарушение. Обвиняемые поставили перед Токийском районным судом вопрос о неконституционности Договора о безопасности 1951 г. Токийский районный суд тогда оправдал подсудимых, а Договор признал недействующим, ввиду его противоречия Конституции и, в частности, принципу верховенства права. Далее в порядке апелляции прокуратуры дело дошло до Верховного суда, который хоть и оставил в силе оправдательный приговор для подсудимых, однако отменил решение нижестоящего суда в части признания Договора 1951 г. неконституционным.

В этом деле Суд впервые сформулировал свою позицию по поводу политического вопроса: «Договор о безопасности в данном случае следует рассматривать как имеющий в высшей степени

политический характер, который... имеет чрезвычайно важное отношение к основе существования нашей страны как суверенного государства. Есть немало моментов, в которых юридическое решение о неконституционности его содержания является просто оборотной стороной медали политического или дискреционного решения Кабинета министров, заключившего договор, или национального Парламента, который дал свое согласие на это. Следовательно, указанный в деле вопрос в принципе не подлежит пересмотру судом, задачей которого является чисто судебная функция, если только не будет явной очевидной неконституционности и недействительности. Правильно интерпретировать это в первую очередь как вопрос, который должен быть решен Кабинетом министров, который имеет право заключать договоры, и национального Парламента, который имеет право утверждать их; и в конечном итоге это должно быть оставлено на усмотрение суверенного народа»⁷.

Верховный суд снова сослался на доктрину политического вопроса в деле *Томабечи*⁸, когда один из членов Палаты представителей обжаловал роспуск Палаты, произошедший 28 августа 1952 г., по тому основанию, что это противоречило Конституции, поскольку такое решение Кабинета министров не было одобрено Императором. Верховный суд тогда постановил, что роспуск Палаты представителей является политическим вопросом, а потому Суд неправомочен его рассматривать. В частности, Суд указал: «...Однако даже в рамках системы разделения властей в соответствии с Конституцией [...] и не следует поспешно делать вывод о том, что все акты подлежат судебному контролю без ограничений. Такие действия, как высокополитический акт государства, который непосредственно связан с правлением нации, не подлежат судебному контролю, даже если они являются спорами по закону и определение их действительности возможно с юридической точки зрения, и решение должно быть оставлено политическим секциям, таким как Кабинет и Парламент, которые несут политическую ответственность перед людьми, которые являются суверенами, и в конечном итоге должны быть оставлены на усмотрение политической воли народа. Это ограничение судебной власти в конечном итоге вытекает из принципа разделения властей и в свете в высшей степени политического характера данного акта государства, характера суда как судебного органа и процессуальных ограничений, которые неизбежно сопровождают вынесение судебного решения, это следует понимать как неотъемлемое ограничение в рамках конституционного характера судебной власти, хотя в нем нет четкого положения»⁹.

⁴ Kisaburo Yokota. *Pollitical Questions and Judicial Review: A Comparison*, 43 Wash. L. Rev. 1968. P. 1031. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol43/iss5/9>

⁵ Подробнее о деле: Sunagawa farmers prevent expansion of Tachikawa Air Force Base, 1956-1957. URL: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/sunagawa-farmers-prevent-expansion-tachikawa-air-force-base-1956-57> (дата обращения: 23.03.2021).

⁶ Договор о безопасности между США и Японией от 8 сентября 1951 г. (текст на английском языке). URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (дата обращения: 23.03.2021).

⁷ Цит. по: Kisaburo Yokota. *Op. cit.* P. 1037–1038. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol43/iss5/9>

⁸ Подробнее о деле см. информацию: URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=14 (дата обращения: 25.03.2021).

⁹ Там же.

В дальнейшем такая позиция Верховного суда Японии привела к тому, что он стал избегать решать вопросы о конституционности в максимально возможной степени, а при разрешении дел опираться только на нормы материального права без анализа конституционных положений. Так, например, в 1971 г. слушалось дело, которое касалось прав граждан на процессуальные действия в административном производстве¹⁰. Согласно материалам дела, административный орган отклонил заявление таксиста на выдачу ему водительских прав без его предварительного уведомления и возможности проведения слушаний для дальнейшего обжалования. Причина, по которой административный орган отклонил заявление без соблюдения процессуальных требований, заключалась в том, что в законе не было четкого положения, предоставляющего заявителю право на получение такого уведомления и возможности инициировать последующие слушания. В то время как Высокий суд Токио, а также Окружной суд Токио в обоснование своих решений ссылались на ст. 13 и 31 Конституции, Верховный суд не опирался ни на какие конституционные положения, а лишь исходил из общих принципов административного права.

Для Суда это был не конституционный судебный процесс, а обычное административное судопроизводство. Приведенное дело примечательно тем, что Суд фактически дал новое толкование закону, которое впервые позволило заявителям воспользоваться процессуальными гарантиями. Хотя, как отмечается, без опоры на Конституцию ее либеральные, демократические ценности это было бы невозможно¹¹. Вместе с тем Суд ничего не сказал о конституционности сложившейся ситуации. Причина такого поведения Суда проста: признание действовавшего административного порядка неконституционным означало бы, что такая позиция Суда распространяется на все административные дела и связанные с ними процедуры, а не только на тот единичный случай, что был исследован в настоящем деле.

В дальнейшем Суд продолжил решать конституционные вопросы в «индивидуальном порядке». Так, например, Суд рассматривал дело о законности постановления судьи запрещать присутствующим на заседании лицам вести запись судебного заседания¹². Такого рода судебный запрет выносился на основании дискреционных полномочий председательствующего судьи и требовал обоснования. На практике же почти все суды первой инстанции стали применять такую возможность повсеместно и запрещали ведение записи заседания без каких-либо на то оснований. Заявитель попытался обжаловать

такой запрет в Окружном суде Токио, но получил отказ со ссылками на дискреционные полномочия председательствующего судьи и что ничего противозаконного в таком запрете нет. С таким решением нижестоящего суда согласился Токийский высокий суд. Заявитель подал апелляцию в Верховный суд, который отменил решения нижестоящих судов по существу и заявил, что, несмотря на широкие дисциплинарные полномочия председательствующего судьи, у него нет права запрещать присутствующим вести заметки или иным другим способом протоколировать судебный процесс¹³. При этом Суд решил дело, опираясь лишь на анализ дискреционных и дисциплинарных полномочий судей¹⁴.

Еще один пример связан с определением понятия «диффамация». Согласно материалам дела, произошел конфликт между лидером одной из японских крупнейших и наиболее влиятельных религиозных организаций и журналом, который опубликовал ряд разгромных статей о заявителе. Заявитель в ответ обвинил СМИ в клевете, утверждая, что его репутация серьезно пострадала от публикаций. В заявлении в том числе был поднят вопрос о соотношении свободы слова и права на неприкосновенность частной жизни, в частности, защите репутации. Суду предстояло ответить, было ли конституционное право журнала более важным, чем репутация духовного лидера, и если да, то почему и в какой степени? Вместе с тем Верховный суд практически ничего не сказал о конституционности указанных двух прав, а решил дело почти исключительно в рамках обычного толкования законов, определив, что есть «общественная деятельность» и «репутация»¹⁵.

Сложность концепции политического вопроса помимо ее спорности и неоднозначности состоит еще в том, что она позволяет создавать Суду доктрины, зависящие от других ветвей власти. Надо полагать, выработанная в рамках конституционного толкования позиция всегда будет сильнее, чем аналогичный вывод, но сделанный в рамках простого толкования закона. В последнем случае такая доктрина будет уязвима для любых изменений в соответствующем законодательстве. В целом можно отметить, что многовековые привычные уклады, консерватизм и закрытость территории наложили на японское общество свои отпечатки, которые не могли быть преодолены за столь короткий период времени. Этим во многом объясняется и отношение к конституционному правосудию — суды еще какое-то время не знали, как нужно толковать

¹⁰ 25 Minshibi 1037. Приводится по: Okudaira Y. Op. cit. P. 38.

¹¹ Okudaira Y. Op. cit. P. 38.

¹² Supreme Court G.B., March 08, 1989. Case No. 1989 (O) 436. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке). URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=90

¹³ Указанный вопрос тесно связан с правом гражданина вести запись и проверять протоколы судебных заседаний, с которым Верховный суд Соединенных Штатов столкнулся в Ричмонде, Штат Вирджиния, в 1980 г. и признал такое положение дел противоречащим первой поправке к Конституции США. Подробнее о деле: Richmond Newspapers, Inc. v. Virginia, 448 U.S. 555 (1980) (на английском языке). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/448/555/>

¹⁴ Okudaira Y. Op. cit. P. 38–39.

¹⁵ Ibid.

новые конституционные ценности, а царившие предубеждения не позволяли это делать правильно. В последующем, надо полагать, избегание толкования положений Конституции стало привычной практикой.

3.5. Учреждение Конституционного суда

На фоне сказанного интерес представляет вопрос создания самостоятельного «Конституционного суда Японии». Некоторое время назад этот вопрос о передаче соответствующих полномочий от Верховного суда широко обсуждался среди общественности, и даже предлагалась на рассмотрение конституционная поправка о создании отдельного органа конституционного контроля наподобие Федерального конституционного суда Германии¹⁶. Объяснялась такая инициатива тем, что существующая система имеет очевидные проблемы, не позволяющие Верховному суду полноценно осуществлять конституционный контроль. Поэтому необходимо создать отдельный уполномоченный орган — суд первой и последней инстанции, — осуществляющий конкретный и абстрактный нормоконтроль¹⁷.

Например, в одной из предложенных поправок к Конституции, инициатором которой выступила газета *Yomiuri Shimbun* (*Емиюри Синбун*)¹⁸ в 2004 г., предлагалось организовать Конституционный суд в дополнение к Верховному суду. Конституционный суд получил бы право проверять конституционность законодательства на основании заявления Кабинета министров или одной трети членов Палаты представителей или Палаты советников, а также пересматривать решения Верховного суда на основании заявления одной из сторон¹⁹.

Эти предложения обсуждались, например, также в парламенте в рамках деятельности Комиссии по пересмотру конституции²⁰. В 2003 г. Комиссией отмечались успехи конституционной юстиции в восточноевропейских и азиатских странах как

гаранта разделения властей и прав человека, в том числе и путем прямого обращения граждан. Следует отметить что в том числе делегацией японского парламента исследовалась и отмечалась деятельность Конституционного Суда Российской Федерации.

Профессор Хатаджири (Professor Hatajiri), выступая в качестве эксперта перед Комиссией, указал, что считает необходимым посредством законодательной, а не конституционной поправки создать «конституционный департамент» Верховного суда, который будет заниматься исключительно конституционными вопросами. По его мнению, членами конституционного департамента/палаты должны будут являться конституционные судьи, назначаемые посредством нейтрального и прозрачного процесса; это должно сопровождаться созданием системы для обсуждения конституционности законов с помощью процедур, основанных на конкретных стандартах и процедурах контроля²¹.

Этого же мнения придерживается профессор Сасада (Professor Sasada), указывавший на необходимость разделения в Верховном суде апелляционной функции и функции конституционного контроля. Кроме того, он отметил необходимость пересмотра конституционного положения о праве народа отозвать судью Верховного суда Японии и необходимость создания специального консультативного совета по назначениям в ВС (страница 144 Доклада Комиссии).

Представляется интересным предложение профессора Сайто о включении международных договоров по правам человека в стандарты конституционного толкования, а также об осуществлении конституционного толкования в соответствии с такими договорами; а также предложение о принятии апелляций в Верховный суд на основании предполагаемых нарушений международных договоров о защите прав человека (страница 145 Доклада).

Вместе с тем идея создания конституционного суда так и не была поддержана. Основная причина тому — отсутствие четкого понимания, как отдельный орган конституционного контроля сможет преодолеть сложившуюся практику судебного негативизма Верховного суда, которому фактически ничего не мешает осуществлять свои собственные полномочия судебного конституционного надзора более активно²².

Создание конституционного суда, как представляется, упростило бы для граждан процедуру оспаривания нормативных правовых актов на соответствие их Конституции. Также это позволило бы оппозиционным коалициям обращаться в конституционный суд. С другой стороны, можно предположить, что конституционный суд стал бы вести себя так же, как Верховный суд ведет себя

¹⁶ Matsui S. Why is the Japanese Supreme Court so Conservative? // *Washington University Law Review*. Vol. 88. 2011. P. 1416.

¹⁷ Handbook on the Research Report on the Constitution of Japan. Research Commission on the Constitution. URL: <https://www.sangiin.go.jp/eng/report/ehb/chb.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁸ Интересно то, что в Японии инициативой такого рода обладают СМИ. Впрочем, контрольно это издание не является типичным в нашем понимании периодическим изданием. Из информации, выложенной на официальном сайте в сети Интернет, следует, что данная газета с более чем 145-летней историей выпускает самый большой тираж в мире, а также имеет свои собственные исследовательские центры. Газета выпустила предложения по многим темам, связанным с будущим Японии, таким как национальная безопасность, административная реформа, экономическая политика, образование, налоговая политика и здравоохранение, включая предложения о поправках к Конституции от 1994, 2000 и 2004 гг. URL: <https://info.yomiuri.co.jp/english/yri.html> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁹ Matsui S. Op. cit. P. 1416.

²⁰ См.: Выступление председателя парламента г-на Никаямы Chairman NAKAYAMA's speech. 6 December 2001. URL: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_kenpou.nsf/html/kenpou/chosa/en/speech.htm#26%20April%202005

²¹ Final Report of the Research Commission on the Constitution of the House of Representatives. P. 101. URL: [http://www.shugiin.go.jp/itdb_english.nsf/html/kenpou/english/report.pdf/\\$File/report.pdf](http://www.shugiin.go.jp/itdb_english.nsf/html/kenpou/english/report.pdf/$File/report.pdf)

²² Ibid.

сейчас, т.е. очень сдержанно по отношению к решениям других ветвей власти. И это, надо полагать, основная причина, по которой поправка о создании конституционного суда не получила поддержки в парламенте²³.

IV. Судебная конституционная практика Верховного суда Японии

Несмотря на устойчивую доктрину судебного негативизма и очень консервативные взгляды судей, справедливости ради надо сказать, что Верховный суд Японии все же выносил несколько решений, в которых признавал действующее правовое регулирование неконституционным²⁴. Рассмотрим некоторые из них.

В «*Деле об отцеубийстве*»²⁵ Верховный суд постановил, что положение Уголовного кодекса, которое предусматривает смертную казнь или пожизненное заключение за отцеубийство, в отличие от неквалифицированных составов, которые предусматривали помимо смертной казни и лишения свободы также и заключение на срок от трех лет, противоречит Конституции. На результат дела не влияло даже наличие сильных смягчающих обстоятельств, если убийство произошло по причине того, что родитель долгое время издевался над своим ребенком (как это и было в данном деле). Суд признал такое положение необоснованным и неконституционным, как нарушающим принцип равенства²⁶.

В «*Деле об аптеках*»²⁷ Верховный суд рассматривал вопрос об основаниях для получения разрешения на введение в эксплуатацию новой аптеки или аптечного пункта. Действующий тогда Закон «О фармацевтике» предусматривал требование, согласно которому новые аптеки или аптечные пункты не разрешалось открывать слишком близко к уже существующим аптекам. Такое ограничение существовало для обеспечения безопасности потребителей, поскольку конкурирующие компании, по мнению властей, из-за жесткой конкуренции начинали снижать цены на товары, а вместе с ними

падало и качество фармацевтической продукции. Верховный суд посчитал такой аргумент неубедительным, поскольку качество фармацевтических препаратов в значительной степени регулируется государством, а следовательно, в требовании о надлежащем расстоянии не было необходимости. Таким образом, суд пришел к выводу, что отказ в выдаче разрешения был необоснованным и неконституционным и нарушал свободу выбора профессии и предпринимательства.

В «*Деле о почтовой связи*»²⁸ Верховный суд отменил возможность применения ограниченной ответственности государства за ненадлежащее обращение с почтовыми отправлениями, которая была предусмотрена в Законе «О почте». На рассмотрение Суда был поставлен вопрос о том, может ли государство обладать иммунитетом в отношении обработки специальной почты, даже если почтовое отделение умышленно причинило ущерб или имело место небрежное обращение или утеря заказной корреспонденции. Суд постановил, что в свете характера службы государство может предоставлять неприкосновенность, когда почтовые работники проявляют халатность, но предоставление иммунитета, когда имеет место преднамеренная грубая небрежность, неуместно, особенно когда речь идет о специальном виде заказной почты, часто используемой для доставки документов. Верховный суд тогда пришел к выводу, что отказ от возмещения убытков за ненадлежащее обращение с почтовыми отправлениями является неконституционным.

В «*Деле об иностранных избирателях*»²⁹ Верховный суд отменил исключение японцев, проживающих за границей, из числа избирателей для участия в национальных выборах в соответствии с Законом «О выборах в государственные учреждения». Верховный суд постановил, что право голосовать является неотъемлемой частью парламентской демократии и должно предоставляться всем взрослым гражданам. За исключением специальных оснований для лишения активного избирательного права (недееспособность и тюремное заключение), все остальные случаи не могут считаться конституционными. Верховный суд пришел к выводу об отсутствии веских причин для полного исключения лиц, проживающих за границей, из избирательного процесса как нарушающего положения ст. 15 Конституции Японии. Тем самым Верховный суд подтвердил правомочность этих лиц участвовать в выборах, а также обязал казну выплатить каждому заявителю по 5000 иен в качестве компенсации

²³ Matsui S. Op. cit. P. 1417.

²⁴ Как отмечается, в тех редких случаях, когда Верховный суд все же объявлял тот или иной закон неконституционным, это, как правило, были законы, действующие еще со времен Конституции Мэйдзи. См.: Hasebe Y. The Supreme Court of Japan: Its adjudication on electoral systems and economic freedoms. P. 299.

²⁵ Supreme Court G.B., April 4, 1973, 27 Keishu 265. Подробнее о самом деле: Charles Qu. Parricide, Equality and Proportionality: Japanese Courts' Attitudes Towards the Equality Principle as Reflected in Aizawa v Japan. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/MurUEJL/2001/13.html> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁶ Следует отметить, что ст. 200 Уголовного кодекса, в которой предусматривается, что наказание будет ужесточено в случае убийства, не была отменена, а просто она не применяется после письма прокуратуры подчиненным прокурорам. Это продолжалось с 1973 по 1995 г., до реформы Уголовного кодекса.

²⁷ Supreme Court G.B., April 30, 1945 Case No. 1968 (Gyo-Tsu) 120. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке): URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=42 (дата обращения: 04.04.2021).

²⁸ Supreme Court G.B., September 11, 2002 Case No. 1999 (O) 1767 MINSHU. Vol. 56, No. 7, at 1439. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке): URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=585 (дата обращения: 04.04.2021).

²⁹ Supreme Court G.B., September 14, 2005 Case No. (Gyo-Tsu) 82 and 83 of 2001, (gyo-hi) 72 and 77 of 2001 59 (7) MINSHU 2087. Подробнее о самом деле: URL: <https://www.waseda.jp/follow/ici/assets/uploads/2014/05/A02859211-00-000250095.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

за ущерб, когда они не смогли принять участие в парламентских выборах 1998 г.

В «Деле о дискриминации незаконнорожденных детей»³⁰ Верховный суд признал недействительным положение Закона «О гражданстве», которое было дискриминационным в отношении детей, рожденных иностранными матерями вне брака. Согласно ст. 2 Закона «О гражданстве», ребенок, рожденный от японских родителей, приобретает гражданство по факту рождения. Тем не менее, согласно п. 1 ст. 3, внебрачный ребенок, мать которого является иностранной гражданкой, мог получить японское гражданство только после регистрации брака родителями. Хотя Суд постановил, что когда-то это было разумно — требовать заключение брака как доказательство связи между отцом и ребенком, однако времена изменились, и больше нет разумных оснований обязывать кого-то вступать в брак. В результате Верховный суд отменил это положение как неразумное и нарушающее право на равенство, защищаемое ст. 14 Конституции.

Несмотря на приведенные примеры, японский Суд все же не всегда действовал последовательно в своих решениях. Например, Суд оставил в силе требование, согласно которому разведенной женщине требовалось выждать 100 дней после развода, прежде чем вступить в новый брак³¹. Суд не признал такое требование дискриминационным по признаку пола, полагая что период ожидания необходим для презумпции отца ребенка, рожденного после расторжения брака. Верховный суд также отклонил жалобу на дискриминацию незаконнорожденных детей, доля наследства которых по закону составляет лишь половину от той, на которую может претендовать законнорожденный ребенок. Верховный суд посчитал это разумной мерой для защиты законного брака³². Что касается экономической свободы, то после вынесения решения по делу об аптеках Верховный суд более не вынес ни одного дела по данной категории.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что Верховный суд Японии крайне неохотно отменяет законодательство или другие правительственные акты по конституционным основаниям, а те по-

ложения, которые все же были признаны неконституционными, не несли в себе политической подоплеки.

Заключение

Разработчики действующей Конституции Японии подразумевали, что судебный конституционный контроль должен играть важную роль в либеральной демократизации японского общества после Второй мировой войны. Однако в реальности роль Верховного суда Японии состоит лишь в том, чтобы поддерживать законодательный процесс. Можно критиковать поведение Верховного суда за его излишнюю консервативность и нежелание проявлять судейский активизм, которым славятся его коллеги, например, из стран Восточной Европы. Однако нельзя не признать, что у Суда есть много и положительных достижений, одно из которых вполне можно обозначить как поддержание стабильности в обществе путем избегания участия в политических играх, в которых органам конституционного контроля не место.

References

1. Alston P. Review Essa. Transplanting Foreign Norms: Human Rights and Other International Legal Norms in Japan / P. Alston // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. P. 625–632.
2. *Comparative Constitutional Law in Asia* / eds. by R. Dixon, T. Ginsburg. Edward Elgar Pub, 2015. 368 p.
3. *Constitutional Courts in Asia. A Comparative Perspective* / eds. by A.H.Y. Chen, A. Harding. Cambridge University Press, 2018. 383 p.
4. Hasebe Y. The Supreme Court of Japan: Its adjudication on electoral systems and economic freedoms / Y. Hasebe // *International Journal of Constitutional Law*. 2007. Vol. 5. Iss. 2 P. 296–307.
5. Kawagishi N. The birth of judicial review in Japan / N. Kawagishi // *International Journal of Constitutional Law*. 2007. Vol. 5. Iss. 2. P. 308–331.
6. Mamiko U. Le système judiciaire japonais et le contrôle de la constitutionnalité / U. Mamiko // *Annuaire international de justice constitutionnelle*. 1988. Vol. 2-1986. P. 545–556.
7. Matsui S. Fundamental Human Rights and «Traditional Japanese Values»: Constitutional Amendment and Vision of the Japanese Society / S. Matsui // *Asian Journal of Comparative Law*. 2018. Vol. 13. P. 59–86.
8. Nishikawa T. The Future of the Japanese Constitution: From the “MacArthur Constitution” to What? / T. Nishikawa // *Hikakuhō Bunka*. 2008. Vol. 17. P. 51–79.
9. Okudaira Y. Forty Years of the Constitution and Its Various Influences: Japanese, American, and European / Y. Okudaira // *Law and Contemporary Problems*. 1990. Vol. 53. Iss. 1. P. 17–49.
10. Tew Y. *Constitutional Statecraft in Asian Courts* / Y. Tew. Oxford University Press, 2020. 272 p.

³⁰ Supreme Court G.B., June 4, 2008 Case No. 2006 (Gyo-Tsu) 135 Minshu Vol. 62, No. 6. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке): URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=955. Подробнее о самом деле: «Shigenori Matsui. Never had a choice and have no power to alter»: Illegitimate children and the Supreme Court of Japan. URL: <https://digitalcommons.law.uga.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2368&context=gjicl> (дата обращения: 04.04.2021).

³¹ Supreme Court G.B., December 16, 2015 Case No. 2013 (O) 1079 Minshu. Vol. 69, No. 8. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке): URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=1418 (дата обращения: 05.04.2021).

³² Supreme Court G.B., September 4, 2013 Case No. 2012 (Ku) 984 Minshu. Vol. 67, No. 6. Информация о деле на сайте Верховного суда Японии (на английском языке): URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=1203 (дата обращения 05.04.2021). В декабре 2013 г. во исполнение этого решения ВС спорная норма была отменена.